

Муниципальное жилье на окраинах Сан Паулу

Статистика по Сан-Паулу, крупнейшему городу Южной Америки, — настоящая сокровищница для адепта радикального урбанизма. Из любого справочника вы узнаете, что Сан-Паулу — это мегаполис с населением 19 миллионов и что с начала XX столетия число его жителей выросло на 8000%. Помогает ли подобная статистика нам понять этот город? Раскрывает ли она его важные черты? В какой-то степени да, но с другой стороны, она лишь подтверждает то, что нам уже известно. Скорость всегда была смыслом жизни Сан-Паулу. В «Печальных тропиках» Клод Леви-Стросс, живший здесь в 1935 году, писал: «Город развивается так быстро, что даже карту его раздобыть невозможно». В середине XX века, когда город стал локомотивом «бразильского

чуда», появился популярный лозунг: «Сан-Паулу не должен останавливаться». Это был «вечный двигатель».

Сегодня, несмотря на впечатляющие статистические данные, Сан-Паулу замедляет свой бег. Численность его населения увеличивается куда медленнее, чем когда-либо прежде, да и этот рост происходит исключительно в одной зоне — на периферии. Разрастающиеся окраины Сан-Паулу свидетельствуют о том, что город еще формируется, что в каком-то смысле он до сих пор является «заготовкой». Здесь жертвы, на которые идут люди, чтобы попасть в Сан-Паулу, вписаны в ландшафт, в сами стены их домов. Города, растущие так быстро, развиваются неупорядоченно, и потому периферия Сан-Паулу ассоциируется не только с нищетой, но и с огромным потенциалом.

Этот текст — рассказ о поездке на автомобиле по окраинам Сан-Паулу. Работая над книгой «По лондонской орбите», Иэн Синклер несколько месяцев мерил шагами столичную кольцевую дорогу M25, пытаясь понять и принять огромные размеры города. Сан-Паулу — не для пеших прогулок: это город машин (здесь их насчитывается шесть миллионов). Поэтому наше путешествие — именно поездка на автомобиле, и картина, которую я рисую, — это серия размытых снимков, сделанных из окна движущейся машины, плюс несколько остановок, которые пришлось сделать, чтобы размять ноги. Но хотя я снимаю шляпу перед Синклером, надо сказать, что в одном аспекте его задача была проще. В Сан-Паулу нет своей M 25. Существуют планы строительства кольцевой автодороги вокруг города — Родоанель Мариу Ковас, четырехполосной автострады длиной 170 километров. Один из ее участков даже был открыт в 2002 году, но затем проект

забуксовал. Поэтому нам приходится прокладывать свою орбиту через хитросплетение дорог под названиями «шоссе Айртон Сень», «шоссе Президента Дутры», «шоссе Норdestино» и «шоссе Иммигрантов» — некоторые из этих имен дают представление о том, почему город так разросся.

Мы будем двигаться вокруг города против часовой стрелки — в связи с чем возникает необоримый соблазн самонадеянно представить нашу поездку как путешествие в прошлое. Историю о социальном и неформальном жилищном фонде Сан-Паулу мы начнем с условий, с которыми сталкиваются те, кто прибыл сюда совсем недавно, а затем отправимся «назад во времени», рассказывая о других формах жилья, существовавших в предыдущие десятилетия. По мере прохождения через эти этапы у нас возникнет вполне четкое представление о различных стратегиях властей по обеспечению жильем постоянно растущего населения Сан-Паулу — отмечу, что фавелы я тоже отношу к результатам этой «стратегии». Наш маршрут из сегодняшнего дня приведет нас к «звездному часу» модернистского социального жилья, а затем еще глубже в прошлое — к рабочим поселкам времен Первой мировой войны и дальше, вплоть до поселения миссионеров, в XVI веке первыми вознамерившихся принести цивилизацию — или хотя бы слово Божье — в этот район Бразилии. Но наш рассказ не только о жилье: мы рисуем портрет города, чей характер лучше всего передает его вечная жизнь «на грани».

Официальным центром Сан-Паулу считается Праса-да-Се — старая соборная площадь. Подобно Трафальгарской площади в Лондоне, это «нулевая отметка»: от нее отсчитываются все

расстояния в городе. Тем не менее Се не имеет символического могущества центральной городской площади, да и ее живости тоже. Как и близлежащая Праса-да-Република, еще одна некогда величественная площадь, она — зримое свидетельство упадка исторического центра Сан-Паулу. Расположенный в нескольких кварталах к северу район Центро превратился в прибежище сутенеров и проституток, а соседний район Санта-Ифигения жители переименовали в Крэкюландию — «царство крэка»: там в открытую продаются наркотики, и после наступления темноты в этом месте лучше не появляться. Этот треугольник печально известен упорным сопротивлением джентрификации, но сейчас это сопротивление, похоже, удастся сломить. С благословения муниципалитета застройщики сносят целые кварталы, воплощая в жизнь концепцию Нового Света — района для верхушки среднего класса с культурным центром, спроектированным фирмой Herzog & de Meuron. Как всегда, возможность заработать и стоимость земли оказываются важнее, чем интересы жителей. Парадоксальная ситуация, когда в городском центре обосновались бедняки, подходит к концу, и им неизбежно придется переселяться на окраины.

В другом центральном районе экскурсоводы наверняка покажут вам волнообразный дом «Копан» Оскара Нимейера — одно из крупнейших жилых зданий в мире. Кроме того, «Копан» просто красавец. Но куда характернее для центра новый тип жилья — «термитные трущобы», в которые за последние годы превратились многие высотные здания. «Башня Сан-Вито» построена в тот же период, что и «Копан», но символизирует она не блеск бразильского модернизма, а запустение этой части

города. Все ее 27 этажей были заняты сквоттерами, а фасад представлял собой мозаику из граффити и разбитых окон — и в конце концов летом 2010 года дом был снесен. В Сан-Паулу насчитывается до 40 000 заброшенных зданий, и при этом два миллиона человек живут в фавелах на периферии города. Муниципальная строительная компания Cohab начинает скупать некоторые из таких объектов для их переоборудования в жилье, но пока ни одна из не слишком решительных попыток вернуть к жизни центр не увенчалась успехом. У города, по сути, нет традиции заботиться о своем историческом наследии. Сан-Паулу ничтоже сумняшеся позволяет некогда важным районам приходиться в запустение: главное, чтобы где-то еще росли как грибы небоскребы очередного финансового квартала. Центр, как на доске для игры в «Монополию», неуклонно перемещается в юго-западном направлении — сначала на Авенида-Паулиста, потом на Авенида-бригадейру-Фариа-Луна, а в последние годы — к проспекту Беррини. Но исторический центр словно оказался за гранью времен, ожидая «шоковой терапии» джентрификации.

А как же периферия? Применительно к Сан-Паулу само это слово кажется почти неуместным, ведь периферия занимает большую часть площади города. Четких границ и периметров здесь не существует. Периферия — это условия: условия, в которых живут большинство горожан-«паулистанос».

Они всегда были порождением негласных политических игр и экономической эксплуатации. Первая волна бедняков, поселившихся на периферии, состояла не из крестьян-мигрантов, а из людей, вытесненных из самого города благодаря своего рода «османизации» Сан-Паулу. Во втором десятилетии XX века

городской центр пережил перепланировку — были проложены широкие бульвары, разбиты парки, — что, естественно, сопровождалось сносом переполненных домов, где снимали жилье городские бедняки, которым пришлось перебраться на окраины. Затем, в 1940-х, границы города продвинулись еще дальше. Земельные собственники в сельских районах вокруг Сан-Паулу начали дробить свои владения и по дешевке — нелегально — продавать участки беднякам. Они рассчитывали, что по мере роста этих поселений государство будет вынуждено обеспечить их жителям базовые услуги и проложить транспортные коммуникации. Правительство — первый из военных диктаторских режимов в стране, — столкнувшееся с жилищным кризисом, который оно было не в состоянии преодолеть, закрыло глаза на это «самовольное» расширение города. И расчет землевладельцев, естественно, оправдался: когда соответствующая инфраструктура была создана, цена оставшихся у них участков возросла многократно. Таким образом, мы видим, что городские бедняки уже давно стали пешками в спекулятивных играх с недвижимостью.

В последующие десятилетия экономическая эксплуатация смягчилась, но политические интриги продолжались, как и прежде. Расширение периферии приобрело иной масштаб в 1970-х, когда волна миграции с северо-востока страны обернулась взрывным ростом фавел. Это опять же стало результатом попустительства политиков: очередной военный режим постановил, что периферия не находится в юрисдикции муниципалитета, но незаконное строительство фавел дозволялось,

пока их жители сами заботились о собственных интересах (то есть этим не нужно заниматься властям).

Общепринятое представление о Сан-Паулу складывается, с одной стороны, благодаря снимкам «леса» небоскребов и рассказам о жизни городской элиты, позволяющей себе роскошь перемещаться по мегаполису на вертолетах, а с другой стороны — благодаря окружающей эту роскошь постоянно разрастающейся кайме фавел. Но рассматривать структуру города по принципу «богатое ядро в кольце нищеты» было бы упрощением. Хотя новоприбывшие мигранты, как правило, оседают на периферии Сан-Паулу, там живут не только они. Его окраины — вместилище вопиющих социальных контрастов. В 1980–1990-х развитие Сан-Паулу шло по знакомому сценарию: зажиточные граждане бежали из центра, ища уединения в пригородах — во вновь построенных охраняемых коттеджных поселках. Наиболее известный пример этого — Альфавиль: обширный анклав на северо-западном рубеже города, застроенный роскошными виллами с бассейнами. Позже мы проедем и мимо него, но такие места — не главное в нашем путешествии. И не только потому, что Альфавиль до боли напоминает пригороды Финикса: в том, что богачи могут о себе позаботиться, нет ничего удивительного — и вдохновляющего тоже. Поражает как раз другое — упорство бедняков, строящих свою жизнь в этом жестоком городе.

Ріхãço на пути в Сан-Матеуш

1. ПУТЕШЕСТВИЕ К РУБЕЖУ

Восьмое декабря, шесть утра. Мы отправляемся в путь еще до рассвета. Мы проезжаем мимо высоких оград и непреодолимых ворот, будок с ночными сторожами, собак, бегающих за заборами, — мимо всех этих атрибутов помешанного на собственной безопасности богатства. Это Сумаре — симпатичный квартал в центре, как бы отделенный от города покровом из тропических деревьев и необычайно извилистыми дорогами, выпадающими из общей «решетчатой» структуры транспортной сети. Для меня это хитросплетение улиц — верный способ заблудиться, что и происходило со мной неоднократно. Для ночного времени частные охранные компании, обеспечивающие безопасность в этом районе, придумали своеобразную систему патрулирования: человек на мопеде объезжает окрестности и издает странные звуки, напоминающие крик попугая ара, оповещая своих коллег в будках, что все в порядке. В первый раз, когда мы услышали эти звуки, они показались нам тревожными — мы решили, что это наводчик подает сигнал своим «коллегам». Но со временем они стали нас даже успокаивать.

Во времена Леви-Стросса Сумаре был пригородом на западе Сан-Паулу, где селились представители среднего класса. Иными словами, тогда он был рубежом города — а ведь от Соборной площади этот район отделяет не более четырех километров. Чтобы добраться до нынешних границ Сан-Паулу, надо преодолеть куда большее расстояние. Сегодня наша «орбита»

будет отстоять от Се на 18–20 километров. Таким образом, круг, который мы опишем, имеет протяженность 120 километров. Но это без учета объездов, неизбежных сбиваний с пути и пробок. Нас ждут неожиданные виды и незапланированные остановки. Сейчас еще не рассвело, а югда мы вернемся, будет уже темно.

Вместе со мной — фотограф Тельма Вилас Боаш и ее муж, архитектор Роберту Сомлу. Мы едем в машине Роберту — «фольксвагене» «Сантана Квантум» (подобное сочетание религии и теоретической физики выглядит парадоксально уместным в этом непознаваемом городе). Наш первый «порт захода» — район Сан-Матеуш, в 20 километрах к востоку. Оставив позади сонный Сумаре, мы петляем, двигаясь в сторону шоссе Президента Дутры, как будто направляемся в аэропорт Гуарульюс. Мы проезжаем мимо торгового центра Shopping D — гигантского сарая с облицованным плиткой фасадом, напоминающего вывернутый наизнанку общественный туалет с прикрепленным к нему великанским трамплином — спиральным въездом. Затем перед нами возникает еще один «сарай» — на этот раз зоомагазин, потом тюрьма с четырьмя сторожевыми вышками по углам. Либо я уже не раз был здесь, либо по дороге из аэропорта находится несколько тюрем.

Мы сворачиваем на юг к Сан-Матеушу; на пути — несколько почти достроенных высотных домов. Некоторые выглядят просто и не оскорбляют глаз — лаконичные, белые, модернистские. На других явно лежит печать постмодернизма — они аляповато украшены закругленными балконами и цветными полосами. Довершает картину «рощица» персикового цвета башен с островерхими крышами и полуфронтами — подражание зданию

AT&T, спроектированному Филиппом Джонсоном. Эти «эрзац-небоскребы» — продукт новой волны жилищного строительства, предназначенного для быстро растущего среднего класса Сан-Паулу.

Лула — на момент нашего путешествия он еще президент и пока не передал бразды правления своей протее Дилме Русеф — любит говорить, что в стране остается еще 28 миллионов человек, которым надо помочь выбиться из нищеты. Кто-то из них — если повезет, конечно, — может быть, переселится в копию джонсоновской башни. Проезжая по Авенида-Арикандува, мы повсюду видим такие стройки. Эти бетонные ростки — еще только «куколки» в коконах строительных лесов — и, возможно, в готовом виде они не будут напоминать башню AT&T. Но так или иначе дешевые высотки по спекулятивным ценам — характерная черта нынешнего строительного бума в городе. У них практически нет несущего каркаса — этажи (иногда до 20) из шлакобетонных блоков просто громоздят один на другой. И уже через пять лет такой дом выглядит старым. Неудивительно, что количество жалоб жильцов на строительные компании достигло рекордного уровня.

Лула закачивал деньги в жилищное строительство, инициировал программы вроде создания FNHIS — национального фонда социального жилья — и Minha Casa Minha Vida («Мой дом — моя жизнь»). Последняя представляет собой государственный план, предусматривающий постройку миллиона дешевых квартир к 2016 году. Башни, мимо которых мы только что проехали, — тоже результат этой программы. На их фасадах красуются гигантские баннеры с рекламой Caixa — федерального сбербанка, выдающего

беднякам кредиты для покупки жилья в таких домах. Проблема заключается в том, что контроль качества полностью отсутствует — и застройка ведется совершенно бессистемно. Результатом становятся некачественные дома на окраинах, изолированные от инфраструктуры. Эта программа, конечно, стимулирует создание новых рабочих мест, но ее критики утверждают, что в качестве орудия для решения жилищных проблем самых бедных граждан она неэффективна.

Дальше мы попадаем в рабочий район с неожиданно тесной застройкой и поражаемся тому, как много стен здесь расписано Рихасао. Это чисто бразильская форма «настенной живописи». В отличие от многих видов местных граффити, нью-йоркские корни которых торчат наружу, этот вполне самобытен. Характерное начертание букв напоминает толкиеновские руны, словно город наводнен эльфами-акробатами. Почему акробатами? Да потому, что каждый «пиксатор» старается показать свою удачу, рисуя надписи как можно выше и в самых недоступных местах. Часто они карабкаются по стенам высоток: ведь Рихасао — это не только способ художественного самовыражения, но и вид «городского спорта» вроде паркура, и иногда дело заканчивается гибелью живописца. Политический характер носит не столько содержание надписей, сколько само их создание. Как мы видели на примере Сумаре, стены — главная форма социальных барьеров в Сан-Паулу: они не только разделяют богачей и бедняков, но и заслоняют человека от самой мысли о коллективном аду снаружи. Поэтому то, что «пиксаторес» выбирают стены, чтобы заявить о своем присутствии, выглядит весьма уместным — они, по

выражению социолога Терезы Кальдейры, превращают инструмент разделения в орудие общения.

Зарождающаяся фавела в Сан-Матеуше

2. САМОПОМОЩЬ: САН-МАТЕУШ

Мы движемся за грузовиком с надписью «So Jesus Salva» на заднем бампере — «Тебя спасет только Иисус». Проехав через лес, мы оказываемся в Сан-Матеуше. Городской ландшафт здесь весьма разнообразен; ощущение такое, будто он еще только формируется. Мы снижаем скорость до черепашьей: впереди дорогу заняла стая бродячих собак, и две дворняги решили немедленно заняться любовью. Вокруг — несколько «социальных» многоквартирных домов, пара кварталов с индивидуальной жилой застройкой и небольшая фавела прямо у дороги, на берегу ручья. Мы вылезаем из машины и достаем фотоаппараты; в этот момент к нам подбегает человек — он что-то кричит. Выясняется, что он хочет подать официальную жалобу на условия жизни в фавеле. Куда смотрит правительство, негодует мужчина. Мы не успеваем опомниться, как он уже ведет нас по тропинке к своей хижине.

Там он передает нас из рук в руки своей жене — ей, наверное, лет под тридцать, у нее кожа молодой женщины, но лицо старухи, волосы замотаны платком. Она не работает — занимается домом и двумя детьми. И, несомненно, эта женщина недоумевает — с какой стати у нее на кухне объявились трое незнакомцев, — но природная застенчивость вынуждает ее с этим смириться. Потом и другие люди будут приглашать нас к себе домой — их открытость резко контрастирует с замкнутостью многих социальных слоев в Сан-Паулу.

Женщина рассказывает, что землю — точнее, клочок земли под постройку дома — они приобрели у соседа за 2000 реалов (это

порядка 1000 долларов). Естественно, законной эта покупка считаться не может, поскольку и соседу земля официально не принадлежала. Десять дней назад, продолжает она, прошел сильный ливень, ручей вышел из берегов, и пол в их доме залило грязной водой. Сейчас ничто уже не напоминает об этом бедствии: в доме безукоризненно чисто. Кстати, для столь хлипкой постройки, которая, кажется, может рассыпаться от одного дуновения ветерка, он на удивление неплохо оборудован: здесь есть и холодильник, и телевизор, и дешевенькая пластмассовая стиральная машина, и даже кухонный комбайн, накрытый вышитой салфеткой.

Здесьние дома собраны из картона, листов ламината и ржавого железа. Эта фавела только создается — ее совсем недавно основали новоявленные горожане. Они незаконно заняли землю и сразу «застолбили» ее за собой: дома-временки простоят четыре-пять лет, и жители, если к тому времени их не заставят покинуть это место, закрепят свои права кирпичом и раствором. Водопровода нет, электричество воруют, подключившись к ближайшей линии электропередачи. Под ногами проложены трубы для отвода нечистот — они текут прямо в ручей. Именно по этой причине фавелы чаще всего располагаются у воды. Здесь трубы порой скрываются в зарослях дикой мяты, что несколько смягчает их «аромат».

Сейчас новые фавелы вроде этой стали довольно редким явлением. В городе столько уже существующих больших фавел, что куда проще присоединиться к одной из этих общин, чем создавать собственное поселение на новой территории. Быстрее всего такие поселения растут во времена строительного бума.

Мигрант с северо-востока приезжает в город, получает неквалифицированную работу, затем к нему подселается приехавший из провинции двоюродный брат, потом он знакомится с девушкой и создает собственную семью. Таков естественный порядок вещей.

Хотя именно фавела стала наиболее известной формой «самостройки» бедняков, существуют и другие, более формализованные его разновидности. На самом деле на фавелу мы набрали случайно. Нашей целью при посещении Сан-Матеуша было другое поселение, расположенное чуть дальше. Его жители получили от властей разрешение на постройку настоящих домов — собственными силами, но по стандартизованному проекту, утвержденному Жилищным управлением. Эта программы называется *mutirão*: слово заимствовано из языка коренных жителей — индейцев гуарани и означает «совместная работа ради общей цели».

Вид со двора на «самострой» *mutirão*

Программа жилищного строительства на основе *mutirão* была инициирована в 1987 году в качестве наименее затратного способа преодоления дефицита жилья. Общественные организации жителей могли получить от государства средства на стройматериалы, а затем люди общими усилиями строили себе дома. Право собственности на землю им не предоставлялось, но подобная схема стала весьма плодотворным способом самоорганизации. В Сан-Матеуше более 500 семей построили себе дома таким способом. Эти двухэтажные здания, расположенные аккуратными линиями вдоль прямых ухоженных

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru